

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Гай Юлий
ЦЕЗАРЬ

Записки
о Галльской войне

МОСКВА
2022

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Ц31

Предисловие, перевод и примечания *М. М. Покровского*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты
работы художника *Гюстава Буланже*

Цезарь, Гай Юлий.

Ц31 Записки о Галльской войне / Гай Юлий Цезарь ; [перевод М. М. Покровского]. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-122906-1

Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н.э.), с правлением которого связаны последние годы Римской республики, прославился не только как блестящий политик и решительный полководец, способный перейти любой Рубикон. Его имя, послужившее названием новому юлианскому календарю, было превращено в титул римских императоров; впоследствии от него произошли русские слова «царь», «кесарь» и немецкое «кайзер». Цезарь вошёл в историю как крупнейший римский писатель. Творческое наследие этого великого правителя — незаурядное достижение латинской прозы. Его «Записки о Галльской войне», успешно влиявшие на формирование общественного мнения, представляют огромную историческую ценность. Недаром другой знаменитый римлянин — великий оратор Цицерон — дал такую оценку «Запискам Цезаря»: «Они наги, прямые и красивы, с них сняты всякие украшения речи, как одежда... Нет ничего приятнее для истории, как чистая и приятная краткость».

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-04-122906-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

I

Гай Юлий Цезарь (102–44 гг. до н.э.) — одна из самых ярких фигур на фоне римской революции, продолжавшейся более ста лет, со времени трибуната *Тиберия Гракха* (133 г. до н.э.) и до поражения *Антония* в битве при *Акцииуме* (31 г. до н.э.). Грандиозные восточные войны, начиная со II в. до н.э., дали аристократии огромное множество рабов, среди которых были и специалисты по сельскому хозяйству¹. Благодаря этому аристократы могли развивать в своих поместьях весьма выгодную и высокую культуру, которой никоим образом не мог достигнуть труд италийских крестьян; последние поэтому часто вынуждены были продавать свои надельные участки аристократии (а иногда аристократы и силой вытесняли их с земли) и удалялись в Рим пополнять ряды столичного люмпен-пролетариата, жившего государственными продовольственными подачками, подарками триумфаторов и продажей собственных избирательных голосов.

Пока Рим завоевывал еще только Италию, он мог размещать избыток бедного населения в колониях на завоеванных италийских землях. Но уже к середине II в. до н.э. этот земельный фонд почти совершенно иссяк.

Так возникли гракховские аграрные движения, причем *Гай Гракх*, помимо сложного передела остатков италийской земли, намечает колонии вне Италии, например на месте разрушенного в 146 г. до н.э. Карфагена. Однако передел италийской земли сильно задевал интересы италийцев, так называемых «союзников» Рима, которые с давних пор, особенно со времен 2-й Пунической войны, наравне с римлянами содействовали расширению римского владычества за пределами Апеннинского полуострова, но которым близорукая и эгоистическая политика римской сенатской аристократии, вплоть до I в. до н.э., не давала римских гражданских прав, отстраняя их от участия в выборе римских магистратов и в римском правительстве. Дело окончилось их грандиозным восстанием, так называемой «Союзнической войной» (90—88 г. до н.э.), поглотившей много жертв с той и с другой стороны. Рим должен был уступить, тем более что это восстание совпало с ожесточенной и притом вооруженной борьбой демократической партии во главе с *Марием* (а затем *Цинной*) и аристократической — во главе с *Суллой*. А этой разрухой воспользовался могущественный понтийский царь *Митридат*, который перерезал на Востоке всех римских граждан и богачей и захватил часть владений в Малой Азии. Против него отправился Сулла, который по окончании этой войны победил римских демократов и расправился с ними ужасающим образом, причем, однако, главы римских демократов — *Цинна* и *Марий* — во время пребывания Суллы на Востоке не уступали ему в жестокости (см. потрясающий рассказ в первой книге «Гражданских войн» *Аппиана*). После победы Суллы часть демократов ушла в Испанию и под предводительством очень талантливого воина и политика *Сертория* захватила эту провинцию в свои руки, образовав как бы особое государство и вступив при этом в сношения не только с Митридатом (не окончательно разбитым Суллой), но и с пиратами, которые довели Рим до голода.

В самом деле, как ни высока была земледельческая культура в больших поместьях римских магнатов, но своего хлеба для Италии не хватало, а вместе с тем римское население сильно увеличивалось благодаря бегству обедневших крестьян в столицу и наплыву иностранцев со всего света. Сплошь и рядом возникали в Риме голодные бунты, и для урегулирования и обеспечения хлебного транспорта римское правительство вынуждено было в 67 г. до н.э. согласиться на чрезвычайную меру, выходящую за пределы Конституции, именно на то, чтобы облечь *Гн. Помпея* экстраординарной, расширенной властью (*imperium maius*) для борьбы с пиратами; а так как в следующем, 66 г., на Помпея было, кроме того, возложено окончание войны с Митридатом, то он, во главе большого флота и войска, становился господином всего Востока.

В ослабленной, но все-таки внушительной форме организация продовольствия (*cura annonae*) была поручена ему же и позднее, на целых пять лет, в 57 г. до н.э.

Печальный опыт Гракхов и затем *Сатурнина* показал, что как бы ни был влиятелен государственный деятель-реформатор, но он осужден на гибель без поддержки *военной силы*. В данную эпоху лишь военные таланты и преданное войско могли обеспечить за полководцем высшее положение в государстве. Так, *Марий*, вопреки всем конституционным законам и традициям, был семь раз консулом и главой государства. Точно так же и *Сулла* достиг диктатуры и неограниченной власти в Риме, опираясь на свою победоносную армию. Наконец, и *Помпей* тем же путем приобрел не предусмотренное Конституцией положение главы государства (*princeps*). Еще в молодости (двадцати пяти лет от роду), не занимая никакой должности, он потребовал и добился — за помощь, оказанную им Сулле в борьбе с марианцами, — двух триумфов (в 81 г. до н.э.), — отличие, на которое имели право лишь высшие магистраты и полководцы — консулы и преторы.

Частным же человеком, но с проконсульской властью, он окончил в Испании войну с *Серторием* (в 72 г. до н.э.), после чего, в союзе с *Крассом* и по договору с демократической партией, он оказал давление на сенат, подойдя к Риму со своей армией, и получил в 70 г. до н.э. консульство вопреки всяким традициям, так как перед этим не занимал не только курульных должностей эдила и претора, но даже первой, открывающей путь к сенаторскому званию должности квестора. Уже было сказано о его *impegium maius* в 67 и 66 гг. до н.э. по законопроектам трибунов *Габиния* и *Манилия*. В 54 г. до н.э. он, при помощи Цезаря, получает проконсульство в обеих Испаниях на пять лет, но управляет этими провинциями через своих легатов, а сам остается в окрестностях Рима, чтобы следить за текущей политической жизнью и, по мере надобности, оказывать на нее давление. Наконец, в тяжелый год разрухи (52-й), когда, помимо всего прочего, убийство известного демагога *Клодия*, кандидата в преторы, *Милонном*, кандидатом в консулы, грозило вызвать гражданскую войну, Помпей соединяет, уже вопреки всяким прецедентам, должность проконсула с должностью консула *sine collega*, являясь непосредственным предшественником принципата *Августа*. В этот год он набирает по всей Италии армию, а в самом Риме проводит судебнополитические законы с нарушением традиционных норм судопроизводства и для давления на суды вводит в Рим армию.

Со своей стороны, войско, набиравшееся со времен Мария из бедных граждан, рассчитывает не только на скромное государственное жалованье, но и на щедрые награды со стороны полководца и на земельные наделы. Известно, что Сулла насильственно отобрал для своих ветеранов земли у италийских крупных и мелких собственников, что обострило земельный кризис и увеличило ряды недовольных существующим порядком. Как ни велик был престиж полководцев и как ни строга была

военная дисциплина, тем не менее они должны были считаться с солдатскими настроениями.

Один из крупнейших римских полководцев — *Аукулл* — не мог закончить победоносной войны с Митридатом, потому что его армия, недовольная его скупостью, отказалась от заключительного (правда, трудного) похода. Бунтовали — в гражданскую войну — даже солдаты Цезаря, вообще очень ему преданные. Так, еще в самом начале этой войны, во время похода Цезаря в Испанию против легатов Помпея (49 г. до н.э.), возмутился отряд, стоявший в Плаценции, и был усмирен самим Цезарем по возвращении из этого похода. Гораздо опасней был бунт легионов, расквартированных в Кампании и предназначенных для войны в Африке с помпеянами. Попытки уговорить их были неудачными и стоили жизни двум сенаторам, отправившимся к ним с этой целью (в 47 г. до н.э.). Легионы эти даже двинулись на Рим, и только самому Цезарю, вернувшемуся из Египта и Малой Азии, удалось сломить их непокорство. А по мере развития гражданской войны солдаты переставали повиноваться и самому полководцу: если в Фарсальском сражении они еще слушались приказа Цезаря шадить сограждан, то в Африканскую кампанию, после победы при Тапсе, Цезаревы солдаты перебили всех сдавшихся помпеянцев, и Цезарь был бессилен остановить их.

Именно во время гражданских войн солдаты чувствовали себя господами положения, и, например, в 43 г. до н.э. *Октавиан*, соединившись с Антонием и *Лепидом* и требуя для себя от сената консульства, отправил с этой целью в Рим военную депутацию. Когда в сенате произошло замешательство по поводу столь неумеренных и противозаконных притязаний двадцатилетнего юноши, то Октавианов центурион, один из членов этой депутации, вынул меч и заявил: *Hic faciet si ves non feceritis* («Он сделает его консулом, если не сделаете вы»).

Вместе с тем в Риме не было ни одного сословия, на которое правящая сенатская аристократия могла бы опереться. Всадники, которые, однако, большей частью проживали в провинциях, были со времени Гая Гракха поставлены как бы над сенатом, поскольку в их руках находилось уголовно-политическое судопроизводство. Но этому положил конец Сулла, и, начиная с его диктатуры, политическая роль всадничества в самом Риме суживается; хотя в 70 г. до н.э. демократическая партия, опираясь на Помпея и Красса, восстановила обрезанный Суллой трибунат, она не решилась все-таки реставрировать гракховские суды, руководимые исключительно всадниками: теперь, по так называемому Аврелиеву закону, всадники образуют только одну треть состава присяжных; две остальные трети состоят из сенаторов и из зажиточных плебеев (*tribuni aerarii*). Правда, и теперь всадники еще могут оказывать некоторое влияние на выборы высших магистратов в качестве ростовщиков, снабжающих деньгами под проценты кандидатов на государственные должности. Но большое значение, несмотря на удар, нанесенный Суллой, всадники сохранили в провинциях, и с ними всегда приходилось считаться провинциальным магистратам. Однако каких-либо особых льгот они достигают не через сенат, а через вождей демократической партии (так, Цезарь в год своего консульства добился для них снижения откупной платы). Лишь в 63 г. до н.э., для борьбы с *Катилиной*, они на короткое время соединились с сенатом при посредстве *Цицерона*, который сам происходил из их сословия.

Сохранилось ли в эту эпоху то, что мы назвали бы средним сословием, сказать трудно. Верхушка плебса — зажиточные плебеи (*tribuni aerarii*) — вряд ли была многочисленна. Как велик был слой плебейства не очень зажиточного, но жившего безбедно, мы этого также не знаем². Весьма возможно, что большинство столичного

плебса состояло из людей бедных и даже из люмпен-пролетариата (вспомним, что целых триста двадцать тысяч жителей Рима состояли на государственном пайке); к нему присоединялись многочисленные вольноотпущенники и рабы, а также иностранцы — греки и представители разных народностей Востока; эти последние категории населения, правда, не могли принимать прямого участия в голосованиях на выборных и законодательных комициях, но они были сильны в подготовительных сходках (*contiones*); а из рабов, особенно гладиаторов, предводители партий как сенатской, так и демократической, набирали себе вооруженные отряды и при их помощи тормозили, а то и срывали работу комиций, причем эти выступления очень часто сопровождались весьма кровопролитными стычками.

Вообще многочисленность рабов внушала в эту эпоху большие опасения их владельцам, да и самому римскому правительству, не говоря уже о том, что восстающие массы рабов ставили под угрозу ближайшие окрестности Рима. У всех было в памяти грандиозное восстание рабов под предводительством талантливого и энергичного *Спартака* (73–71 гг. до н.э.), разбившего целый ряд правительственных регулярных армий, пока против него не было выставлено огромное войско под предводительством *Красса*, к которому затем пришел на помощь *Помпей*. Если в начале гражданской войны полководцы обеих партий предпочитают не включать беглых рабов в свои войска, то в конце ее мы видим их уже целыми десятками тысяч в войсках сыновей *Помпея* в Испании и у уцелевшего после разгрома последних помпеянцев в сражении при *Мунде Секста Помпея*³.

Уже указано, что демократия дала в 67 и 66 гг. до н.э. чрезвычайные полномочия *Помпею* для войны с пиратами и с *Митридатом*; но после отъезда *Помпея* на Восток, по свидетельству *Саллюстия* («Заговор *Катилины*»,

глава 39), «сила плебса уменьшилась, и могущество олигархов возросло» (особенно после легко давшегося успеха в борьбе с Катилиной), и римский плебс лишь носит название главы Римского государства, а в действительности является игрушкой в руках ловких демагогов. Вероятно, поэтому Цезарь (о чем см. ниже), всегда относившийся презрительно к сенату, со времени своего единовластия не обнаруживает уважения и к демократическим институтам. Все это в значительной степени парализовало деятельность сената; к тому же многие его представители были увлечены своими личными денежными интересами и жили в непомерной роскоши, мало заботясь о судьбе государства; таких энергичных людей, как *Катон Младший*, в сенате этого времени было очень немного. Тем не менее сенатская аристократия ревниво противилась доступу к высшим магистратурам, особенно консульству, со стороны «людей новых», и избрание Цицерона-всадника в консулы в 63 г. до н.э. было ярким исключением из общей сенатской политики, причем и оно было продиктовано только страхом перед Катилиной. И немудрено: высшие должности требовали от их представителей очень больших расходов в Риме, но зато давали огромные доходы в провинции, не только с обираемых провинциалов, но и с «союзных» тетрархов и царей. Так, в 58 г. до н.э. египетский царь *Птолемей Аулет* за свое утверждение на престоле дал Помпею и Цезарю взятку в шесть тысяч талантов (около тринадцати миллионов рублей золотом). Ввиду бедности и требовательности плебса, эти высшие должности доставлялись ценой колоссального подкупа избирателей: например, *Милон*, домогаясь консульства на 52 г. до н.э., истратил почти все свое состояние и несколько наследств в сумме семидесяти миллионов сестерциев (около семи миллионов рублей золотом). Еще больше тратил Цезарь из награбленных галльских денег на подкуп

как магистратов, так и желательных для него кандидатов на ответственные должности: например, он дал консулу 50 г. до н.э. *Эмилию Павлу* около трех миллионов рублей за молчание и огромную сумму (от одного до трех миллионов) талантливому трибуну *Куриону*. Но к подкупу избирателей прибегали и принципиальные противники этого обычая: так, в 60 г. до н.э., чтобы парализовать проходящего в консулы Цезаря, консерваторы, с одобрения самого Катона, потратили немало денег для проведения *Бибула*, заклятого врага Цезаря.

Общий хаос усиливался еще и потому, что римский государственный строй уже давно обветшал, так как во главе тогдашнего мира стоял *один только город Рим*, с его немногочисленной, но алчной и эгоистической правящей аристократией и разношерстным населением. В свою очередь аристократия ничего кроме Рима не признавала и относилась презрительно не только к провинциям, но и к самой Италии.

II

Вот в каком водовороте жил и действовал Цезарь. Он родился, вернее всего, в 102 г. до н.э. (но не в 100-м, как свидетельствует часть наших источников)⁴ и происходил из патрицианской (правда, не сановной) фамилии, что он с гордостью отмечает в надгробных речах в честь своей тетки Юлии и жены Корнелии, возводя свой род по тетке к царю Анку Марцию, а по отцу к самой Венере и ее внуку от Энея, Иулу, от которого, будто бы, ведет свое начало gens Julia (*Светоний*. Божественный Юлий, 6). С другой стороны, он связан тесными родственными узами с предводителями демократии — Марием, женатым на его тетке по отцу, и с Цинной, на дочери которого Корнелии он был женат сам. Требование Суллы (которому он не подчинился) развестись с молодой любимой

женой окончательно вооружило его против сенатской партии, слабость и неспособность которой он при этом ясно видел. Еще в ранней юности он доблестно служил в азиатских войсках *Терма* и *Сервилия Исаврика*, проявив большую храбрость и инициативу; столь же смело он вел себя в плену у захвативших его пиратов (см. Светония). Еще не занимая ни одной должности, он привлек к суду за вымогательства в провинции консуляра и аристократа *Корнелия Долабеллу*, и если не добился его осуждения, то обратил на себя внимание силой и блеском своего красноречия. Будучи антисулланцем, он, однако, не принял участия в восстании консула Лепида (в 78 г. до н.э., в год смерти Суллы), добивавшегося уничтожения сулланской ультрааристократической Конституции. Зато в 70 г. до н.э. он всячески поддерживает предложение Помпея (получившего с помощью демократической партии консульство) о восстановлении народного трибуната, совершенно урезанного Суллой, а в год своей квестуры (68 г. до н.э.) содействует амнистии для бывших приверженцев Сертория. В 67 и 66 гг. до н.э. он агитирует в пользу принятия возмущивших сенатскую партию законопроектов трибунов Габиния и Манилия о даровании Помпею экстраординарной власти для борьбы с пиратами и с Митридатом. Сходясь, таким образом, с Помпеем, он привлекает на свою сторону и его соперника, богатейшего Красса, который открывает ему для политической агитации свой кредит. В 65 г. до н.э., будучи эдилом, он привлекает к себе римский плебс, с одной стороны, исключительно роскошными играми и постройкой великолепных общественных сооружений (впадая при этом в огромные долги), с другой — восстановлением статуй и трофеев Мария. Он также председательствует в судебной комиссии о признании убийцами тех лиц, которые при Сулле получили из казны деньги за принесенные ими головы убитых демократов.

Выбранный в 63 г. до н.э. в преторы, он вместе с Крассом негласно поддерживает заговорщическую деятельность Каталины и протестует в сенате против смертной казни арестованных катилинариев, вследствие чего при выходе из сената еле спасается от вооруженной всаднической молодежи. Тогда же он побеждает видного консерватора *Катула* на выборах на должность верховного понтифика, которая открывает ему большое влияние на народ и на государственные дела. Того же Катула он пробует привлечь к отчету по поводу производившейся им перестройки Капитолия и предлагает передать это дело в другие руки. Кроме того, он вызывает на суд перед комициями по обвинению в государственной измене (*perduellio*) престарелого *Рабурия* за участие в убийстве трибуна Сатурнина в 100 г. до н.э. Вообще претура Цезаря была прямым вызовом сенату и протекала столь бурно, что сенат отрешил его от должности и снова утвердил только потому, что Цезарь сам остановил готовившееся по этому поводу возмущение плебса. По окончании претуры ему досталась провинция Дальняя Испания, но он не мог сразу в нее выехать вследствие претензий своих кредиторов, пока за него не поручился в огромной сумме Красс. В этой провинции он сделал ряд удачных завоеваний, умиротворил часть провинциалов уменьшением податей и привез большие суммы в государственное казначейство, поправив и свои собственные денежные дела.

Вернувшись в Рим (точнее, в его окрестности), он стал добиваться триумфа и консульства, но, ввиду окончания избирательной кампании, должен был от триумфа отказаться. Вместе с тем, чтобы обеспечить себя и на будущее время, он помирил Красса и Помпея и заключил с ними тайный договор, называемый триумвиратом, с целью не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из них троих. Помпей

должен был согласиться на этот союз, потому что, получив все свои высокие полномочия (начиная с 70 г. до н.э.) при посредстве демократии, он вооружил против себя сенат, и потому, по его возвращении с Востока, сенат не утвердил сделанных им там распоряжений и отклонил награду земельными участками его ветеранов.

В свое консульство Цезарь совершенно обезвреживает — отчасти мерами насилия — своего коллегу и противника Бибула, так что последний перестает посещать сенат (часть которого теперь собирается у него на дому) и, ссылаясь на свои наблюдения над небесными знаменьями, объявляет, — конечно, без всяких практических последствий, — все действия Цезаря незаконными. Так как попытка Цезаря найти поддержку в сенате не удалась, то он, минуя сенат, проводит два аграрных закона в пользу бедных плебеев и помпеевых ветеранов. Тогда же сенат утверждает и распоряжения Помпея на Востоке. В год своего консульства Цезарь, кроме того, впервые начинает публиковать аста *populi Romani*, род правительственной газеты, заключавшей в себе краткое изложение прений в сенате и в других государственных учреждениях, что, конечно, предавало широкой гласности всю политику консервативной сенатской партии. В консулы на следующий год были проведены два приверженца триумвиров — *Авл Рабиний* и *Луций Кальпурний Писон*; на дочери последнего женился сам Цезарь, а для скрепления союза с Помпеем он выдал за него замуж свою дочь от первого брака Юлию. Наконец, по законопроекту народного трибуна цезарианца *Ратиния*, Цезарю досталась Цизальпийская Галлия и Иллирик с тремя легионами на пять лет; к этому сенат присоединил еще и Трансальпийскую Галлию с одним легионом, ввиду тревожных сведений о передвижении, опасном для Трансальпийской Галлии, воинственного племени гельветов, которые во времена Мария поддерживали кимвров и тевтонов и,

со своей стороны, нанесли в 107 г. до н.э. очень тяжелое поражение войску *Л. Кассия Лонгина* (см. «Bell. Gall.», I, 7). Перед выступлением в Галлию Цезарь держал некоторое время свое войско около Рима для давления на своих противников. Так как, однако, они готовились привлечь его к суду за насилия, которыми сопровождалось его консульство, то он двинулся в свою провинцию, но, по соглашению с Помпеем, провел в народные трибуны на 58 г. до н.э. энергичного демагога *Публия Клодия Пульхра*, который, вплоть до своей смерти (в 52 г. до н.э.), даже будучи частным человеком, не давал покоя сенату и отчасти Помпею, действуя при этом большей частью насильем, для чего он окружил себя большими отрядами из рабов и бедного плебса. Клодий особым законом о высшем наказании для магистратов, казнивших римских граждан без суда, добился изгнания Цицерона за казнь арестованных приверженцев; парализован был и Катон, которому было поручено принимать большое, но, в сущности, нелегальное египетское наследство на Кипре. В провинции Цезарь своими важными победами над гелльетами и над германским вождем *криовистом* заслужил внимание сената и народа, и в честь его неоднократно назначались молебствия, более торжественные и длительные, чем даже в честь Помпея по его возвращении с Востока. Но сам Цезарь не считался с сенатом и уже в первые годы войны, без разрешения сената, набрал целых четыре дополнительных легиона в Транспаданской Галлии. Близость его проконсульской ставки к Риму открывала ему возможность постоянного воздействия на римские дела, и уже в 56 г. до н.э. к нему в Луку приезжают и Красс, и Помпей, и, кроме того, около двухсот сенаторов и провинциальных наместников, при которых было сто двадцать ликторов. Если заключение триумvirата в 60 г. до н.э. было на первых порах тайным, то этот съезд был явной и внушительной

демонстрацией против консервативной партии, которая с возвращением Катона снова окрепла. На этом съезде было решено, что Помпей и Красс будут добиваться на 55 г. до н.э. консульства с устранением консервативного кандидата *Домиция Агенобарба*, что и было осуществлено путем насилия; Цезарю должно было быть продолжено его проконсульство в Галлии еще на пять лет, Помпею предоставлено (по истечении консулата) проконсульство в обеих Испаниях, а Крассу — проконсульство в Сирии, из которой он намеревался начать войну с парфянами. Все эти решения провел через народное собрание преданный триумвирам народный трибун *Требоний*; мало того, от сената добились государственного содержания для всей армии Цезаря, включая сюда и четыре самовольно набранных им легиона.

Цезарь еще до съезда в Луке согласился на восстановление в гражданских правах Цицерона, которому, как ни торжественно было его возвращение, пришлось с этого времени отказаться от прежней роли авторитетного защитника сената и стать слугою триумвиров. Несмотря на то что Цицерон считал Цезаря главным виновником своего изгнания, он сам предложил сенату почтить победу Цезаря пятнадцатидневным молебствием и в своей речи «*De provinciis consularibus*», произнесенной в сенате в 56 г., настаивал на удержании за Цезарем обеих Галлий и Иллирика⁵.

В 54 г. умерла дочь Цезаря — жена Помпея, а в 53 г. до н.э. погиб Красс в сражении с парфянами. Триумvirат начал распадаться, и сам Помпей, управлявший Испанией через своих легатов, стал тяготиться своим отчуждением от сената и потерей своей популярности в народе, виною чего был Клодий. Убийство Клодия Милоном в 52 г. до н.э. примирило Помпея с сенатом, по инициативе которого он был выбран в консулы *sine collega*, но сам Помпей стал ясно понимать, насколько опасен для

него такой соперник, как Цезарь. Правда, предотвращение гражданской войны в Риме, на которую надеялась вся восставшая Галлия, помогло Цезарю победить восставших и путем то насильственных, то умиротворяющих мер окончательно покорить к 50 г. до н.э. Галлию; но разрыв его с сенатской партией был уже неизбежным, и многое в его галльской политике (например, коварное нападение на просивших мира усипетов и тенктеров, за что Катон требовал выдачи его германцам) давало повод к судебному преследованию. Поэтому еще в 55 г. до н.э., по соглашению с Помпеем, народные трибуны провели специальный плебисцит в пользу Цезаря, разрешивший ему домогаться консульства на 48 г. до н.э. заочно и без отпуска армии. Но этот закон был почти аннулирован новым, более общим законом, который проведен был Помпеем в 52 г. до н.э., по которому консулы должны были отправляться в провинции не вслед за городской магистратурой, но через пять лет после нее.

Для противников Цезаря — а таковыми, между прочим, были почти все консулы 51—49 гг. до н.э. — открывалась возможность настаивать на отправлении Цезарю преемника, тем более что Галлия была уже покорена. Такой преемник предполагался в лице его политического врага, Домиция Агенобарба. Цезарь находит нужным уже в 51 г. до н.э. опубликовать мемуары о Галльской войне, тщательно избегая в них упоминания о таких фактах, которые могли бы дать повод к политическому преследованию, или смягчая их там, где упоминание о них было невыгодно (например, в деле усипетов и тенктеров): здесь, конечно, нет и помину о съезде в Луке и о всякого рода давлениях на римскую политику, равно как и о тех колоссальных средствах, которые не дошли до римского казначейства, но остались в руках проконсула и имели своим источником ограбление Галлии и широкое развитие торговлю обращаемыми в рабство галлами.

Сквозь «Записки о Галльской войне» просвечивает очень искусный полководец и администратор, который сумел в борьбе с весьма воинственным и свободолюбивым населением покорить для Рима целую страну, освободив Рим и от галльской, и от германской опасности⁶.

С другой стороны, как было указано выше, он усиленно подкупает в Риме всех сколько-нибудь влиятельных и полезных ему людей. Но все оказывается тщетным, и он начинает гражданскую войну, которой он не хотел и не мог хотеть: его собственное, хотя и преданное ему и закаленное в боях войско было очень утомлено продолжительной войной в Галлии, и ему не под силу была борьба со всем государством, обладавшим огромными человеческими и материальными ресурсами. Придвигая мало-помалу свою армию к Италии, он, вероятно, рассчитывал оказать давление на правительство, как это сделали в 71 г. до н.э. Помпей и Красс. Но когда это не удалось, он все время, при первой возможности, начинает мирные переговоры, идя на крайние уступки: так, перед самым началом этой войны он готов ограничиться только Иллириком и одним легионом впредь до выборов в консулы (факт, не упомянутый в его «Гражданской войне»); наконец, он готов даже распустить армию, сложить с себя власть и в качестве частного человека добиваться в Риме консульства, если то же самое и притом одновременно сделает Помпей. Вообще колоссальная трудность вести войну не только с Помпеем, но и со всей республиканской партией, была для него всегда ясна; и это видно по самому ходу войны: гибнет с Курионом его войско в Африке, гибнут отряды в Иллирике, сам он терпит тяжкое поражение от Помпея при Диррахии и с трудом спасается от него в Фессалии; в большой опасности он находится и в Александрии; Африканская кампания началась с поражения при Руспине, которое могло бы окончиться полным крахом; сражение с сыновьями Помпея при Мунде было выиграно только

с большим трудом, так что Цезарь уже готов был покончить с собою. К этому присоединялись неоднократные восстания в его собственных войсках. Да и само население Рима и Италии, как ни гуманен он был во время своего Италийского похода, очень дорожило идеей республики и свободы, видя ее воплощение в сенате, и потому относилось к нему подозрительно, особенно после взлома государственного казначейства и угроз защищавшему его народному трибуну *Метеллу*, так что, выступая из Рима в Испанию против легатов Помпея, Цезарь не решился даже обратиться с речью к народу.

Дальнейшая история деятельности Цезаря вплоть до его убийства, собственно, выходит за пределы нашей темы, и потому мы изложим ее с возможной краткостью.

Стремясь к полному единовластию, Цезарь не только относится с полным пренебрежением к сенату, но не уважает и демократических учреждений. Так, он смещает неугодных ему народных трибунов *Цесетия* и *Марулла*, нарушает основные права комиций, которые теперь должны беспрекословно избирать его собственных кандидатов на должности. Мало того, в последний год своей жизни он назначает высших магистратов на несколько лет вперед; далее он оставляет в составе присяжных только сенаторов и всадников и исключает плебеев — *этарных трибунов*, входивших в него со времени первого консульства Помпея (70 г. до н.э.); он распускает демократические клубы, учрежденные Клодием, а главное — он сосредоточивает в своих руках все высшие государственные должности вместе с трибунской властью и пожизненной диктатурой, которая и вообще была немыслима в прежнем республиканском строе и стала особенно одиозной со времени Суллы. Кончилось дело тем, что он вооружил против себя даже своих ближайших помощников, которые выросли в атмосфере большой республиканской свободы, а теперь оказались простыми

адъютантами и чиновниками всемогущего властелина. Началось дело с отпадения еще в начале гражданской войны его главного легата *Лабиена* и кончилось заговором на его жизнь со стороны его близких «друзей».

Вводимый Цезарем государственный строй погиб вместе с ним и вызвал новую, еще более ожесточенную гражданскую войну, по окончании которой усыновленный им его преемник *Октавиан (Август)* пошел по следам не столько его, сколько Помпея.

III

Помимо политических дарований, Цезарь пользовался заслуженной славой одного из первых ораторов Рима, что было отмечено уже Цицероном («*Vrutus*», § 249 и сл., 261 и сл.). Как и Цицерон, он в молодости учился у знаменитого родосского оратора Молона. Можно очень пожалеть, что до нас не дошло ни одной из его судебных и политических речей, но о силе его ораторского таланта могут свидетельствовать речи, вложенные в уста действующих лиц его мемуаров, особенно Ариовиста («*Bell. Gall.*», I, 34, 36), Критогната (там же, VII, 77), Куриона («*Bell. Civ.*», II, 31, 32) или, например, его собственная речь к войску перед походом на Ариовиста («*Bell. Gall.*», I, 40).

Но по характеру своего красноречия Цезарь отличается от Цицерона; последний гордился своей *соріа sententiarum verborumque* («обилием мыслей и слов»), причем, однако, обилие слов у него часто преобладало над обилием мыслей; кроме того, он не мог вполне отрешиться от так называемой «азианской» щеголеватой манеры, усвоенной им в молодости, причем он очень любил метрические концы периодов и их частей⁷; он имел основания считать себя оратором патетическим, но его пафосу была в высокой степени свойственна несколько крикливо преувеличенность и сентиментальность.

В противоположность этому *стиль Цезаря отличается большой простотой и сжатостью, не впадая, однако, в сухость, причем общая простота несколько не исключает разнообразия нюансов*: где нужно, этим простым стилем отлично изображается патетическое (ср. рассказ о гибели Аурункулея и Титурия в «Bell. Gall.», V, 36, 37), а местами, в соответствии с содержанием, изложение принимает как бы кинематографическую быстроту (ср. особенно описание быстрого наступления нервий в «Bell. Gall.», II, 19).

Бросается в глаза также уверенный и спокойный тон изложения, что дало основание известному знатоку античной художественной прозы Э. Нордену назвать цезаревский стиль «*stilus imperatorius*».

Вследствие этого оба мемуара Цезаря, предназначенные, собственно, для римских политиков, благодаря красоте изложения представляют большой интерес и для широкой публики, особенно в описании тогдашней Галлии, Германии и Британии.

IV

Что касается предлагаемого перевода, то в центре стоят мемуары самого Цезаря и его продолжателей о гражданской войне. «Записки об Испанской войне» («*Bellum Hispaniense*»), принадлежащие какому-то низшему офицеру Цезаря, дошли до нас в таком неисправном виде, что пришлось отказаться от их перевода. Однако нельзя было опустить и его «Галльскую войну», так как именно завоевание Галлии и связанное с ним давление Цезаря на внутреннюю римскую политику привело к гражданской войне⁸.

В основу было положено издание *Кюблера*, а для «Александрийской войны» — *Вельфлина*, но отдельные отклонения от текста Кюблера и Вельфлина восходят к специальным комментариям *Мойзея* к «Галльской войне» (Берлин, 1919–1920) и к «Гражданской войне» (Бер-

лин, 1906). (Примечаниями этих ученых я широко пользовался при составлении своего краткого комментария.) К сожалению, мне был недоступен первый том «Записок о Галльской войне» в издании *Мойзеля* и также комментарий *Шнейдера* к «Александрийской войне» (Берлин, 1888).

Кроме того, большую помощь оказали мне различные труды по римской истории, начиная с *Т. Моммзена*, особенно же последняя книга *Эдуарда Мейера* «Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus» (3-е изд., Берлин, 1922).

По военно-топографической части некоторую цену имеют отдельные главы уже устаревшего труда *Наполеона III* «Histoire de Jules Cesar» (2 тома, Париж, 1865–1868), преимущественно те, в которых он опирается на изыскания своих адъютантов, особенно *Стоффеля*. Последнему принадлежит классическое сочинение «Histoire de Jules Cesar. Guerre civile» (Париж, 1887) с превосходными картами и иллюстрациями. Ср. далее: *Vcith*. Geschichte der Feldzuge C. J. Caesars (Вена, 1906); *Delbruck*. Geschichte der Kriegskunde (том I, Берлин, 1908, есть русский перевод).

Все эти труды, особенно касающиеся завоевания Галлии, широко использованы в упомянутых изданиях *Мойзеля*.

Русские читатели могут пользоваться данной книгой параллельно с вышедшими в свет переводами Светония *Алексеева* (изд. «Academia», 1937), и Аппиана (Соцэкиз, 1935) и старым (не совсем, впрочем, удовлетворительным) переводом плутарховских биографий Цезаря, Помпея, Красса, Катона Младшего и Цицерона, принадлежащих Алексееву (изд. Суворина 80-х гг.). См. также: *Плутарх*. Избранные биографии / пер. под ред. *С.Я. Лурье*, 1941, и литературную характеристику Цезаря в книге: *Покровский М.М.* История римской литературы, 1942⁹.

Академик М. ПОКРОВСКИЙ

ЗАПИСКИ
О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов — Матрона и Секвана. Самые храбрые из них — бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана, и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до Нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Акви-

тания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

2. У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Мессалы и М. Писона¹, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой — очень высоким хребтом Юрой — между секванами и гельветами, с третьей — Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинственные, они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

3. Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, скупить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убе-

ждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул друга римского народа, захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуа Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов.

4. Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами², они заставили Оргеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Оргеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Оргеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

5. После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убежде-

нию, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города³ числом до двенадцати, села числом около четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, — с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей — рауриков, тулингов и латовиков — сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею.

6. Было вообще два пути, по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный — через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как и между гельветами и недавно покоренными аллоброгами⁴ течет река Родан, в некоторых местах проходимая вброд. Самый дальний от нас город аллоброгов в ближайшем соседстве с гельветами — Генава. Из этого города идет мост в страну гельветов. Они были уверены в том, что либо уговорят все еще не примирившихся с римской властью аллоброгов, или же заставят силой дать свободный проход через их землю. Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских Календ, в год консульства Л. Писона и А. Габиния.

7. При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из

Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклетий. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо⁵, то он не считал возможным согласиться на их проход: он понимал, что люди, враждебно настроенные, в случае разрешения пройти через Провинцию не воздержатся от причинения вреда и насилий. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать: если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

8. Тем временем, при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родан, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров⁶. По окончании этих сооружений он расставил вдоль них посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах,

стали делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотках, отчасти вброд, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказаться от их попыток.

9. Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гельветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг, благодаря своему личному авторитету и щедрости, имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гельветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно больше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий.

10. Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдую в страну сантонов, лежащую недалеко от области толосатов, которая находится уже в Провинции⁷. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебородной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабиена, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью

легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кеутроны, грайокелы и катуриги, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг — от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела — области воcontiев в Дальней Провинции. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов, а от них — к сегузиавам. Это — первое племя за Роданом вне Провинции.

11. Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать от них себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: *эдуи, говорили послы, при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать — почти что на глазах римского войска! — опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов.* Единоновременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры известили Цезаря, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. Также и аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них не осталось ничего, кроме голой земли. Все это привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

12. По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арап. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельветы переправлялись через нее на плотках и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Арапа, он выступил из

лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах. Этот паг⁸ назывался Тигуринским (надо сказать, что весь народ гельветский делится на четыре пага). Это и есть единственный паг, который некогда на памяти отцов наших выступил из своей земли, убил консула Л. Кассия и его армию провел под ярмо⁹. Таким образом, произошло ли это случайно или промыслом бессмертных богов, во всяком случае та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за Римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Писона, деда Цезарева тестя.

13. Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Ара-ре мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение поразило гельветов, так как они увидели, что он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в двадцать дней. Поэтому они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: *если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научи-*

лись тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии.

14. Цезарь дал им такой ответ: он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое ссылались гельветские послы, и тем более им огорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы римляне сознавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным. Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменой судьбы было тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдуев за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллоброгов, то он согласен на мир с ними.

Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и не давать их: этому сам римский народ свидетель. С этим ответом он удалился.

15. На следующий день они снялись отсюда с лагеря. Цезарь сделал то же самое и для наблюдения над маршрутом неприятелей выслал вперед всю конницу,

числом около четырех тысяч человек, которых он набрал во всей Провинции, а также у эдуев и их союзников. Всадники, увлекшись преследованием арьергарда, завязали на невыгодной позиции сражение с гельветской конницей, в котором потеряли несколько человек убитыми. Так как гельветы всего только с пятьюстами всадников отбросили такую многочисленную конницу, то это сражение подняло в них дух, и они стали по временам смелее давать отпор и беспокоить наших нападениями своего арьергарда. Но Цезарь удерживал своих солдат от сражения и пока ограничивался тем, что не давал врагу грабить и добывать фураж. И вот обе стороны двигались около пятнадцати дней так, что расстояние между неприятельским арьергардом и нашим авангардом было не больше пяти или шести миль.

16. Между тем Цезарь каждый день требовал от эдуев хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гельветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду. Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдуев вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что, когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают,

а между тем он решился на эту войну главным образом по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

17. Только тогда, после речи Цезаря, Лиек высказал то, о чем раньше молчал. *Есть известные люди, говорил он, очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба: раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдую так же, как и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.*

18. Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака¹⁰, но, не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глазу на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: *это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откупе пошлины и все остальные государственные доходы эдую за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу*

и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуригов, сам взял себе жену из племени гельветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гельветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиаку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гельветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуями Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице.

19. Эти сообщения давали Цезарю достаточное основание покарать его или самолично, или судом его сограждан, так как к указанным подозрениям присоединялись вполне определенные факты, именно что он перевел гельветов через страну секванов, устроил между ними обмен заложниками, что он все это сделал не только против воли Цезаря и своего племени, но даже без их ведома и что, наконец, в этом его обвиняет представитель высшей власти у эдуев. Но было одно серьезное препятствие. Цезарь знал, что брат Думнорига Дивитиак отличается великой преданностью римскому народу и расположением лично к нему и что это — человек в высшей степени верный, справедливый и разумный: его-то и боялся Цезарь обидеть казнью Думнори-

га. Поэтому, прежде чем принять какие-либо меры, он приказал позвать к себе Дивитиака, удалил обычных переводчиков и повел с ним беседу при посредстве своего друга Г. Валерия Троукилла, видного человека из Провинции Галлии, к которому питал полное доверие. Цезарь, между прочим, напомнил о том, что на собрании галлов в его присутствии было сказано о Думнориге; затем сообщил ему о том, что сказали ему другие, каждый в отдельности, в разговоре с глазу на глаз. При этом он убедительно просил Дивитиака не считать себя оскорбленным, если он сам по расследовании дела поставит приговор о Думнориге или предложит это сделать общине эдуев.

20. Дивитиак, обливаясь слезами, обнял [колена] Цезаря и начал умолять его не принимать слишком суровых мер против его брата: *он знает, что все это правда, и никто этим так не огорчен, как он: ведь его брат возвысился только благодаря ему в то время, когда он сам пользовался большим влиянием у себя на родине и в остальной Галлии, а тот по своей молодости не имел почти никакого значения. Но все свои средства и силы брат употребляет не только для уменьшения его влияния, но, можно сказать, для его гибели. И все-таки, помимо своей любви к брату, ему приходится считаться и с общественным мнением. Если Цезарь слишком сурово накажет Думнорига, то все будут уверены, что это произошло не без согласия Дивитиака, который состоит в числе самых близких его друзей; а в результате от него отвернется вся Галлия.* В ответ на эту красноречивую просьбу, сопровождавшуюся обильными слезами, Цезарь взял его за руку, утешил и просил прекратить свое ходатайство, уверяя Дивитиака, что он так им дорожит, что во внимание к его желанию и просьбе готов простить Думноригу измену римскому народу и свое личное оскорбление. Затем он зовет к себе Думнорига и в присутствии брата ставит ему

на вид все, что он в нем порицает, все, что замечает за ним сам и на что жалуются его сограждане; на будущее время советует избегать всяких поводов к подозрению, а прошлое извиняет ради его брата Дивитиака. К Думноригу он приставил стражу, чтобы знать все, что он делает и с кем разговаривает.

21. В тот же день, узнав от разведчиков, что враги остановились у подошвы горы в восьми милях от его лагеря, он послал на разведку, какова эта гора и каков подъем на нее с разных сторон. Ему сообщили, что легкий. Тогда он приказал легату с правами претора Т. Лабиену¹¹ подняться в третью стражу на самую вершину горы с двумя легионами и с такими проводниками, которые хорошо знают путь; вместе с тем он познакомил его со своим общим планом действия. А сам в четвертую стражу двинулся на врагов тем же путем, каким они шли, и выслал вперед себя всю конницу. Вместе с разведчиками был послан вперед П. Консидий, который считался знатоком военного дела и в свое время служил в войске Л. Суллы¹², а впоследствии у М. Красса¹³.

22. На рассвете Лабиен уже занял вершину горы, а сам Цезарь был от неприятельского лагеря не более как в полутора милях; причем враги, как он потом узнал от пленных, пока еще не знали ни о его приходе, ни о приходе Лабиена. В это время во весь опор прискакал Консидий с известием, что гора, которую он поручил занять Лабиену, находится в руках врагов: это он будто бы узнал по галльскому оружию и украшениям. Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выстроил их в боевом порядке. Лабиен помнил приказ Цезаря не начинать сражения, пока не увидит его собственного войска вблизи неприятельского лагеря, чтобы атаковать врага одновременно со всех сторон, и потому, по занятии горы, поджидал наших и воздерживался от боя. Уже среди белого дня Цезарь узнал от разведчиков, что

гора занята римлянами и что гельветы снялись с лагеря, а Консидий со страха сообщил, будто бы видел то, чего на самом деле не видал. В этот день Цезарь пошел за врагами на обычном от них расстоянии и разбил свой лагерь в трех милях от их лагеря.

23. До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня, и так как Цезарь находился не более чем в восемнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провиантом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гельветов, направившись к Бибракте. Об этом было сообщено неприятелям через беглых рабов декуриона галльской конницы Л. Эмилия. Может быть, гельветы вообразили, что римляне уходят от них из страха, тем более что накануне, несмотря на захват возвышенностей, они не завязали сражения; но может быть, у них появилась уверенность, что римлян можно отрезать от хлеба. Во всяком случае, они изменили свой план, повернули назад и начали наседавать на наш арьергард и беспокоить его.

24. Заметив это, Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выслал конницу, чтобы сдерживать нападения врагов. Тем временем сам он построил в три линии на середине склона свои четыре старых легиона, а на вершине холма поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, а также все вспомогательные отряды, заняв таким образом всю гору людьми, а багаж он приказал снести тем временем в одно место и прикрыть его полевыми укреплениями, которые должны были построить войска, стоявшие наверху. Последовавшие за ним вместе со своими телегами гельветы также направили свой обоз в одно место, а сами отбросили атакой своих тесно сомкнутых рядов нашу конницу и, построившись фалангой, пошли в гору на нашу первую линию.

25. Цезарь приказал прежде всего увести своего коня, а затем и лошадей всех остальных командиров, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды на бегство; ободрив после этого солдат, он начал сражение. Так как солдаты пускали свои тяжелые копья сверху, то они без труда пробили неприятельскую фалангу, а затем обнажили мечи и бросились в атаку. Большой помехой в бою для галлов было то, что римские копья иногда одним ударом пробивали несколько щитов сразу и таким образом пригвождали их друг к другу, а когда острие загибалось, то его нельзя было вытащить, и бойцы не могли с удобством сражаться, так как движения левой рукой были затруднены; в конце концов многие, долго тряся рукой, предпочитали бросать щит и сражаться, имея все тело открытым. Сильно израненные, они наконец начали подаваться и отходить на ближайшую гору, которая была от них на расстоянии около одной мили, и ее заняли. Когда к ней стали подступать наши, то бои и тулинги, замыкавшие и прикрывавшие в количестве около пятнадцати тысяч человек неприятельский арьергард, тут же, на походе, зашли нашим в незащищенный фланг и напали на них. Когда это заметили те гельветы, которые уже отступили на гору, то они стали снова насаждать на наших и пытаться возобновить бой. Римляне сделали поворот и пошли на них в два фронта: первая и вторая линии обратились против побежденных и отброшенных гельветов, а третья стала задерживать только что напавших тулингов и боев.

26. Таким образом долго и горячо сражались на два фронта. Но когда наконец враги оказались не в состоянии выдерживать наши атаки, то одни из них отступили на гору, как это было и сначала, а другие обратились к своему обозу и повозкам: в продолжение всего этого сражения, хотя оно шло от седьмого часа до вечера, ни-

кто из врагов не показал нам тыла. До глубокой ночи шел бой также и у обоза, так как галлы выставили наподобие вала телеги и с них отвечали на наши атаки обстрелом, причем некоторые из них, расположившись между повозками и телегами, бросали оттуда свои легкие копья и ранили наших. Но после долгого сражения наши овладели и обозом и лагерем. Тут были взяты в плен дочь и один из сыновей Оргеторига. От этого сражения уцелело около ста тридцати тысяч человек, и они шли всю ночь без перерыва; нигде не останавливаясь ни днем ни ночью, они на четвертый день дошли до области лингонов, так как наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их преследовать. Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать гельветам ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами. Затем сам он по истечении трех дней двинулся со всем своим войском в погоню за ними.

27. Доведенные таким образом до полной крайности, гельветы отправили к Цезарю послов с предложением сдачи. Они встретились с ним на походе, бросились к его ногам и со слезами покорно молили о мире. Он приказал им ждать его прихода на том месте, где они теперь находятся. Они повиновались. Прибыв туда, Цезарь потребовал от них заложников, а также выдачи оружия и перебежавших к ним рабов. Пока все это разыскивали и собирали в одно место, наступила ночь, и около шести тысяч человек из так называемого Вербигенского пага в самом же начале ночи оставили гельветский лагерь и направились к Рейну и в страну германцев, может быть, из страха, что по выдаче оружия их перебьют, а может быть, в надежде на спасение, так как при очень большой массе сдававшихся их бегство могло бы быть скрыто или даже совсем остаться незамеченным.